

Мои 90-е. Распахнутое окно свободы

часть четвертая

Ощущение нового, возможности выразить себя нам, тридцатилетним, в начале девяностых было в новинку, как и всему бывшему советскому народу. Главное, мы начали путешествовать. Кто-то в качестве туриста, уже без обязательных проверок райкомов партии и выданных аж 50 долларов на поездку за рубеж, а кто-то отправлялся в командировки. Были и те, кто в голодные и свободные годы поехал челноком. С них и начнем.

Я не хочу называть этого очень известного ныне человека – автора книг, ведущего и кинорежиссера. Он мой очень близкий друг, начиная с 97-го, когда мы оба пришли почти с улицы в программу ВРЕМЯ на ОРТ (ныне Первый канал). Назовем его Сашей. Саша – очень красивый интеллигентный юноша в очках мне рассказал, как он в провинции выживал в начале девяностых. Появились автобусные туры в Европу. Саша, в то время пишущий кандидатскую на тему эротики в литературе, сидел без куска хлеба в городке, поэтому решил, как ему посоветовали челноки (сплошь бывшие учителя да инженеры), закупить водки и везти ее в Норвегию. Поехали. За пару часов до границы, у них в автобусе от сердечного приступа скончался человек – старый интеллигент, инженер без работы. Пассажиры стали решать – вернуться ли им в город и похоронить человека, но тогда они остаются без копейки и прогорают, ведь многие взяли деньги взаймы и при возвращении потраченные на визы и билеты с гостиницами деньги им не вернут или.

Сход решил, что поедут дальше. Прикрыли пальто дяденьку, посадили рядом с Сашей, надели шляпу на мертвеца. Пограничнику сказали, что старик спит... Так и ездил Саша с покойником. Говорит, обернулись быстро, водку продали, и домой, чтоб трупного окоченения не заметили...

Челноков и их баулов было столько в распавшейся империи, что клетчатые клеенчатые сумки можно смело назвать символом эпохи. Товары продавали на барахолке или толкучке, такие были везде по стране, попадались джинсы и видеоаппаратура, первые компьютеры и рации, косметика и одежда. Многие коммерсанты стали пошивать у себя по соседству одежду и выдавать ее за импорт. Так по стране прогремела марка Том Кляйн – на самом деле моего земляка Толика Климова. В Уфу из Октябрьска, небольшого башкирского городка, стали наведываться молодые парни, умные и энергичные уфимцы. Про них говорили, что ребята решили организовать свою нефтяную фирму Лукойл.

Я была потрясена комиссионными магазинчиками или комками, как их тогда называли. В них наряду с бабушкиным старьем продавали новинки из Европы и Азии. Расскажу один простой случай, по нему станет понятно, как в СССР женщины были ограничены в своих возможностях. Итак, в новом комке я купила необычный большой флакон с красивой наклейкой – пальмы, океан и красotka. Непонятные, на немецком, слова мне ничего не говорили, на английском было только слово Beauty – Красота. Продавец тоже не знала для чего флакон, мы его открыли, пах он замечательно, внутри была густая сине-зеленая жидкость. Посоветовавшись, определили назначение – для красоты эта штука. Купила и пришла к сестре. Обнюхали пузырек и намазали им лицо. Сидим, пахнем, лица зеленые.

- Ты чувствуешь, как кожа подтягивается?

- Да, шикарная вещь!

Просидев так с полчаса, поняли интуитивно, что надо смывать, смесь пенилась и благоухала, лица и впрямь были подтянутые и блестели. Позже мы выяснили, что это был гель для душа.

К освобождённым женщинам Новой России потянулись группки туристов из одиноких мужчин. Начался экспорт русской красоты, женщины и девушки быстро выходили замуж через новый сервис – брачные агентства и сваливали зачастую без багажа за границу. Среди моих знакомых практически две трети вышли замуж и теперь уже гражданки других стран.

К художникам, а я все же была членом молодежного отделения Союза Художников, стали так же с интересом присматриваться. Галеристы и арт-дилеры приезжали со всех стран, чаще из Франции и США, ходили по мастерским, закупали за бесценок работы и уезжали. Многих обманули. Был такой известный коллекционер из Парижа, Мир праху его, который, к примеру, обещал многим замечательным художникам сделать выставки в Европе, найти продавцов, наивные наши живописцы отдавали ему картины. Помню одного из них, потрясающего Стаса Лебедева, который остался и без картин, и без гроша. Стас умер недавно, перед концом он звонил мне и все ругал свою наивность и обманувшего его парижского коллекционера. И если в 90-е Стас все же не только писал картины, но и жил, продавая в России свои картины новым русским, то в 2000-е уже не мог продать ничего и просто существовал, снимая свадьбы на видеокамеру.

Многие художники уехали по какому-то странному обмену опытом в США, ныне это признанные живописцы с мировыми именами, и я не хочу их называть. Ребята проводили в США по году, затем возвращались с деньгами и связями. Мне они говорили, что жили в коммунах и их уговаривали принять какую-то веру, о которой они ничего не понимали, но согласно кивали.

Был у меня в друзьях и художник, он же рок-музыкант, который уехал по визе в Нью-Йорк, бросил там в воду паспорт и прикинулся глухонемым, так он прожил в Америке лет пять, потом каким-то чудом вернулся на родину. Было ездить на выставки за границу модно и легко. Собралась в такой путь и я...

Судьба меня свела с очень известным в Польше культурным деятелем, другом Папы Иоанна Павла Второго, паном Адамским, поэтом, актером, великим человеком. Благодаря ему и личному участию главы творческого объединения музыкантов, художников и писателей «Меркуриуш» - пану Чарномскому, я была приглашена в Краков с персональной выставкой.

Картин было много – огромная папка выше меня с тяжелым содержимым и я впервые без выездной визы еду с пересадками за границу... Уфа-Киев, поезд, полный беженцев с азиатских республик, переселенцев с Кавказа. Я попала в одно купе с кавказцами. Плохо помню зачем, но меня почему-то подвели парни к старейшине – седому старику на тюках и баулах, тот поговорил со мной и на каком-то непонятном языке приказал двум парням помочь мне с картинами в Киеве и даже купить билеты. Да, дружба и помощь были тогда удивительными. Когда кавказцы и беженцы с Азии исчезли в Киеве, два прикрепленных ко мне кавказца меня кормили на вокзале и доставали мне билет до Польши. Из их разговоров я помню, что это маленькая, но очень воинственная народность. Их дома сожгли, и они перебирались в какой-то район...

Ночью я со страхом ожидала поезда в Краков через Львов, так как сдвинуть свои картины с места я просто физически не могла, полотна размером по два метра, живопись в тяжелых рамах, застекленная графика. Но работы потащили ребята-

молдаване, весело и с прибаутками мы проговорили о будущем всю ночь. На границе у всех были свои секреты и каждый чего-то прятал. Одна я была горда и приветливо встретила пограничников. Они меня и сняли с поезда вместе со всеми картинами.

Ночь, ливень ледяной, март 93-го. Пограничник орет мне на ухо, что пока я неделю с Урала ехала на поезде, поменялись какие-то правила по выезду и мой паспорт недействителен или виза не такая. В общем, я осталась во Вселенной одна в каком-то ночном ледяном аду и в грязи. Самое время вспомнить фильмы о войне, черно-белые, с колючей проволокой и бредущих под лай собак и щелкающие затворы, измученных грязных людей. Я это испытала.

Увидев нацеленный на меня прожектор и стоящего в застывшей позе пограничника, я умоляла:

- Молодой человек, помогите дотащить эти картины куда-то до цивилизации...

Парень долго молчал, не реагируя на мои просьбы. Потом гордо, несмотря на меня:

- Я на боевом посту, говорить запрещено, а вам, гражданка, туда! - и махнул на восток автоматом.

Я шла в темноте по грязи, толкая перед собой гигантскую сумку с картинами, но вдруг из кустов раздался свист, и на меня из тени вышла фигура.

- Куда ползешь, красавица? Хочешь, зеленой тропой проедем в Польшу?

Я категорически отказалась, и парень помог мне с моей «творческой ношей» и вывел в какую-то будку, где толпились бандиты, челноки и другие странные личности. Парня звали Петром, и он, поговорив с остальными, предложил довезти меня до Львова:

- А сколько у тебя денег, милая?

Я показала всю свою наличность: двадцать долларов. Он хмыкнул и положил на крышу жигуленка мои картины. Привез меня Петр к моей бабушке и тетке во Львов, которые охали и целовали меня, так внезапно прибывшую во Львов. Так я прожила неделю у родных, пока Петр помогал мне выяснить проблемы с документами. Оказалось, мое приглашение на польском для организации выставки было не переведено на русский и украинский. Сделав перевод и заверив его, я пыталась взять билет из Львова в Краков. Билетов не было. Вся Украина жила поездками в Польшу. Сосед бабушки, бывший военный и его жена, директор школы, долгими вечерами рассказывали мне о том, как люди сколачивали состояния на торговле. Перед отъездом я зашла в православный храм, в который моя бабушка отдала все фамильные иконы ценности огромной. Батюшка сидел в пустом полуразрушенном храме, на мой вопрос – куда делись иконы, он только пожал плечами и ушел... Так в никуда ушло мое наследство.

Петр утром пришел с билетом – это подарок от нас всех, сказал он. И еще обещал, что в Кракове меня проведут львовские ребята – вдруг нужна будет помощь. Мы выехали к вокзалу затемно, по дороге мой новый знакомый завез меня в огромный старинный дом и предложил перекусить. Теперь вспомните сцену с Шараповым из «Место встречи изменить нельзя», когда он попал в гости к Горбатову. Такую же картину увидела я: за огромным столом молча сидели мужчины, хмурые и уставшие. Во главе – старик с мутными черными глазами. Тут впервые я испугалась и решила, что меня изнасилуют и убьют.

- Ешь, дочка,- проскрипел главный.

Я вдруг забормотала о выставке, по радио заиграла музыка: мой приятель по институту Юра Шевчук надрывно хрипел про любовь.

- А я ведь с Юрой в друзьях, – пробормотала я, надеясь, что мое знакомство с популярным певцом спасет от неизбежного.

- Хорошо поет, правда! - закивали мужики. Петр подошел и вывел меня к машине. Никто меня не тронул, а напротив, пытались накормить и дали сто долларов «на культуру». Так «новые украинцы» вложились в мою творческую карьеру.

В поезд люди залезали через окна, сползали с крыш, давка была такая, словно Ной открыл свой Ковчег и дал последний шанс человечеству...

Выставка в Кракове прошла замечательно. И главное, я впервые увидела за границу. Познакомилась с русскими эмигрантами, уехавшими еще при СССР, была потрясающая Алла Сараханова, переводчица, подруга Иосифа Бродского. Поляки, с которыми я общалась, а это были писатели, журналисты и художники, с надеждой смотрели на изменения у меня в стране, постоянно твердили о какой-то Катynie и давали мне книги и альбомы, чтобы я рассказала об их видении истории.

Странным был визит на Краковское телевидение, где со мной делали интервью. После прямого эфира меня встретил руководитель ТВ и предложил остаться работать... в Чеченском центре, который обустроился в Кракове:

- Вы будете работать в центре, но репортажи о Чечне и других бывших автономных республиках, которые теперь хотят отделиться от России, вы будете делать у нас и зарплату будете получать у нас.

Я отказалась, так как увидела в этом некую покупку моих способностей и почувствовала, что меня практически вербуют...

Увидев первый раз польский продуктовый, я растерялась: зачем, к примеру, семь видов майонеза и шесть сортов горчицы? Я была растеряна. Поляки почти ничего не покупали, у них было немного денег, зато нахлынувшие в страну немцы и американцы чувствовали себя тут очень вольготно и открывали кафе, магазинчики и разные предприятия. В городе только начали вводить уроки религии и детки стайками слетались в католические храмы и часовенки. Многие этого не одобряли. Переживал и православный священник, на храм которого уже несколько раз вандалы покушались.

А тем временем, Уфу, мою родину, так же как и Татарстан, наводнили турки. Они открывали молельные дома, учили турецкому языку молодежь, самых талантливых студентов уфимских институтов и университетов (а ВУЗОВ в столице Башкирии было одиннадцать) турки бесплатно отправляли учиться в Турцию. Помню, как плакала моя коллега журналистка с ТВ, когда ее мужа, талантливого инженера из авиационного института, увезли в Турцию на несколько лет. Забегу вперед, вернувшись оттуда, он бросил семью, сославшись на то, что жена не слишком усердная мусульманка (хотя она и была правоверной мусульманкой). И таких, ушедших в религию молодых людей из мусульманских окраин России, тогда Турция рассматривала как свой оплот в борьбе против Москвы.

Это все дало о себе знать через год, когда после фразы «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» в Башкирии и Татарии подняли головы националисты. Часто эти группы возглавляли, как в Уфе, те самые деревенские комсомольцы, которые неожиданно, за год до развала СССР, оказались в Уфе, столице республики, на руководящих постах в различных структурах, включая СМИ...